

Чжун Цзыци и не подозревал, что к его скромному прилавку направляется важная персона. В этот момент за столиками сидело всего пять-шесть человек; приготовив лапшу, он с Чжао Нином освободились и теперь вместе с Чжао Шэном и Чжао Чжэнанем отдыхали за соседним пустым столом.

— Цзыци, как думаешь, что везут на этих грузовых судах? — с любопытством спросил Чжао Нин. Он никогда не сталкивался с подобным и попросту не мог представить, чем торгуют на таких кораблях.

— Я и сам не знаю, — покачал головой Чжун Цзыци, — но, наверное, что-то редкое, ценное... местные диковины.

Чжао Нин кивнул, но тут же продолжил:

— Тогда... почему не продавать всё это у себя на юге? Зачем тащиться с таким трудом на север?

Чжун Цзыци едва заметно улыбнулся. Такие вещи он понимал слишком хорошо.

— А знаете, почему торговля между севером и югом приносит столько прибыли? — с лёгкой хитринкой спросил он.

Чжао Нин замотал головой, словно тряпичная кукла; Чжао Чжэнань, хоть и не понял ни слова из сказанного своим супругом, тоже за компанию покачал головой. Это выглядело так забавно, что Цзыци не удержался от улыбки.

Только Чжао Шэн стоял в стороне, задумчиво нахмурившись.

— Приведу пример, — продолжил Цзыци. — Возьмём, скажем, мандарин шацзю. Все знают, что он стоит баснословно дорого — его могут позволить себе только богатые семьи, да и то не всегда найдёшь. Всё потому, что это чисто южный плод. На юге он растёт повсюду и стоит копейки, а вот на севере из-за климата его не вырастить. Вот и получается: дешёвый на юге плод становится редкостью на севере — и цена взлетает. И наоборот: наши северные товары, попадая на юг, тоже становятся редкостью. Потому что там их нет. Понимаете?

Чжао Нин и Чжао Шэн тут же просияли — словно их озарило.

— Цзыци, ты столько всего знаешь! — с восхищением выдохнул Чжао Нин.

Чжао Шэн тоже был впечатлён, но вместе с тем в его взгляде мелькнула тень смущения. Он — взрослый мужчина — а знает меньше, чем этот молодой гер, который почти не выходит из дома. В душе он твёрдо решил: впредь будет больше учиться и спрашивать.

Цзыци лишь улыбнулся:

— Это я когда-то от отца слышал... просто запомнил.

Переключившись всё на покойного отца ему было немного неловко, но иначе не объяснишь — разоблачат. Так что приходилось молча извиняться в душе.

Чжао Чжэнань, хоть и не понял слов, но прекрасно заметил восхищение в глазах других. Его грудь тут же расправилась от гордости:

— Моя жена самая лучшая.

— Кто здесь хозяин? — холодный голос внезапно прервал их разговор.

Все четверо одновременно подняли головы — и замерли.

Замер не только они — весь прилавок словно погрузился в тишину.

Говоривший мужчина был красив, но в его чертах сквозила жёсткость, даже некая свирепость. Однако он был не главным. Настоящее внимание приковывал стоящий позади него человек — мужчина, красивее любого гера: с веером в руке, лениво оглядывающийся вокруг. В его взгляде угадывались лёгкое презрение и скука.

Чжун Цзыци лишь на мгновение потерялся, но тут же пришёл в себя. Он поднялся и спокойно сказал:

— Я хозяин. Что желаете заказать?

Чжао Нин и Чжао Шэн тоже поспешно встали. Даже они, не отличающиеся особой проницательностью, поняли: эти двое — не простые люди. Чжао Чжэнань, хоть и не до конца понял, что происходит, последовал их примеру.

Глядя на направление, откуда пришли гости, все невольно подумали об одном: не с тех ли они торговых кораблей?

Холодный мужчина бросил взгляд на еду других посетителей:

— То же самое. Две порции.

— Хорошо, подождите немного, — ответил Цзыци.

За четырьмя столами у прилавка сидели редкие посетители, и единственный свободный столик как раз занимали они. Четверо поспешно вскочили, освобождая места для гостей. Те двое неспешно подошли и заняли их.

Гао Ханьцин и впрямь смотрел на такие уличные лавки свысока. В его представлении они всегда были грязными и шумными. Если бы не многочисленные похвалы этому месту, он бы ни за что сюда не пришёл. Впрочем... было в этом что-то любопытное. По дороге ему попадались одни лишь дядьки да пожилые амо, а тут вдруг — сразу четверо юношей с приятной, чистой внешностью. Как тут не удивиться? Это, пожалуй, и стало одной из причин, почему он не развернулся сразу же. Ему захотелось проверить, насколько же «восхитительна» эта еда.

— Ачжо.

Холодный мужчина мгновенно понял. Достав из-за пазухи платок, он тщательно протёр лавку и стол. Лишь после этого Гао Ханьцин с удовлетворением опустился на место.

Эта сцена не ускользнула от занятых делом хозяев.

— Вот ещё... — недовольно пробурчал Чжао Нин. — Прямо брезгают нами! Не нравится — могли бы и не приходиться!

Он и не заметил, что после его слов тот самый Ачжо бросил на него короткий холодный взгляд.

Чжун Цзыци тоже почувствовал лёгкое раздражение, но быстро взял себя в руки. Люди бывают

разными, у кого-то просто чрезмерная чистоплотность. Тем более — если это знатные господа, им вполне естественно пренебрегать таким местом.

— Ладно, хватит, — тихо сказал он. — Готово — несите.

Чжао Нин и Чжао Шэн по одной миске подали холодную лапшу. Чжао Нин звонко добавил:

— Десять вэнь.

Ачжо достал деньги и молча передал их.

Гао Ханьцзинь с интересом приподнял бровь, разглядывая поданную еду. В миске почти не было видно масла — казалось, одна вода. Он взял палочки, подцепил тонкую нить лапши и отправил в рот... и вдруг замер.

Лишь теперь он понял: она холодная. Вот почему называется «холодная лапша».

Он взял ещё немного. Вкус оказался слегка кислым, с едва уловимой сладостью. Гао Ханьцзинь, избалованный изысканными блюдами, сразу понял — это не шедевр высокой кухни. Но летом... летом это было настоящим сокровищем. Казалось, вместе с каждой палочкой уходит зной, растворяется духота. Даже он не мог не признать — это действительно превосходно.

Он, конечно, не знал, что воду для лапши Чжун Цзыци брал прямо из только что набранного колодца — ледяную, свежую. Тёплую воду он попросту не использовал. И именно это стало одной из причин, почему сюда стекалось столько людей.

Ачжо с удивлением заметил, что его господин не стал придирается. На лице мелькнула тень изумления. Он сам попробовал — и тут же всё понял. Его господин терпеть не мог жару; если бы не необходимость, он бы вовсе не покидал юг. А кисло-сладкий вкус как раз приходился ему по душе — тут уж не до придинок.

— Хе-хе, как ни воротили нос, а всё равно проиграли перед мастерством Цзыци, да? — самодовольно хмыкнул Чжао Нин.

Чжун Цзыци лишь беспомощно покачал головой. Он-то знал: люди приходят не столько за вкусом, сколько за прохладой. До настоящего совершенства его блюда ещё далеко.

Гао Ханьцзинь, съев миску, почувствовал сытость. Он откинулся на спинку стула, лениво осматриваясь. Его узкие, чуть приподнятые к вискам глаза скользнули по сторонам — и вдруг остановились на лице Чжун Цзыци.

Он прищурился, внимательно вглядываясь.

Что-то было не так... это лицо казалось ему знакомым. Словно он уже видел его раньше.

Но сколько ни пытался вспомнить — в памяти не всплывало ничего.

В конце концов он просто отмахнулся от этой мысли.

— Хозяин, возвращаю миску, — в этот момент к ним подошёл пожилой амо с пустой посудой в руках.

Чжун Цзыци откликнулся, принял миску, взглянул на дно и, убедившись, протянул ему две вэнь.

Гао Ханьцзиню стало любопытно — неужели и тут есть какой-то секрет? Он поднял свою миску и внимательно осмотрел дно. Там был выведен странный знак. Не то иероглиф, не то вовсе нечто иное. При всей своей образованности он не смог распознать его — будто бы знак, но не буква.

Ачжо тоже поднял свою миску:

— Господин, здесь тоже есть... — он запнулся, не зная, как описать увиденное.

— Вот как? Дай-ка посмотреть.

Гао Ханьцзинь взял его миску и заметил, что знак на ней отличался от его. По уверенности линий было ясно — рука, выводившая эти символы, обладала хорошей выучкой и чувством письма. Интерес вспыхнул мгновенно.

Он поднялся и неторопливо направился к четвёрке, отдыхавшей в стороне.

— Эй... Цзыци, смотри, тот человек идёт сюда, — Чжао Нин легонько ткнул его.

Чжун Цзыци поднял взгляд — и действительно, гость уже стоял перед ним.

Он спокойно улыбнулся:

— Господин желает что-то ещё?

— Нет, — низкий голос Гао Ханьцзиня звучал мягко, с лёгкой улыбкой. — Мне просто интересно: что означает знак на дне ваших мисок?

Он смотрел прямо на стоящего перед ним юношу — изящного, с мягкими чертами. Обычно одного его взгляда хватало, чтобы любой гер смущённо опустил глаза, заливаясь румянцем. Но этот... да и тот, что рядом, — остались совершенно спокойны.

Неужели его обаяние ослабло?

На самом деле причина была проста: Чжун Цзыци воспринимал таких людей лишь как красивое зрелище — не более. Ни малейшего интереса в нём это не пробуждало. Это был не его тип. А Чжао Нин и вовсе смотрел на незнакомца с подозрением: уж слишком тот улыбался — как хитрый лис, явно замышляющий что-то недоброе.

Зато Чжао Чжэнань насторожился. Он подошёл ближе к Цзыци и уставился на Гао Ханьцзиня с явной враждебностью. Пусть он и был простодушен, но опасность чувствовал остро. Этот человек казался ему неправильным, чужим. Он не мог объяснить почему, но знал одно: никому, кто вызывает такое чувство, нельзя подходить слишком близко к его жене.

Гао Ханьцзинь бросил на него быстрый взгляд — и сразу понял: перед ним простак. Не заинтересовавшись, он отвёл глаза и снова сосредоточился на Цзыци.

Тот слегка нахмурился — ему не понравился этот взгляд, брошенный на Чжао Чжэнаня. Но и прогнать гостя он не мог, поэтому лишь сдержанно улыбнулся:

— Это всего лишь пометки, которые я ставлю сам.

— Вот как? Значит, ты умеешь писать?

— Отец с детства учил меня грамоте, так что немного умею.

Гао Ханьцинзь лениво постучал веером по ладони:

— Но у тебя столько мисок... ты не боишься, что кто-то подделает эти знаки и обманет тебя?

Цзыци уже начал терять терпение, но понимал — перед ним явно не простой человек, потому сдержался:

— У каждого свой почерк. Я знаю свой. Если кто-то сможет точно его подделать — значит, он и вправду мастер. В таком случае я признаю поражение.

Гао Ханьцинзь тихо усмехнулся:

— «Признаю поражение»... красиво сказано.

После этого он больше не стал его расспрашивать. Он прекрасно видел скрытое раздражение собеседника. С ним ещё никогда не обращались так — тем более какой-то гер. Он и сам не понимал, чем вызвал подобное отношение. Этот человек был ему интересен... но навязываться он не собирался.

Он уже насытился — и пришло время уходить.

Гао Ханьцинзь не задержался в этом маленьком городке. Продав часть товара и переночевав, на следующий день он снова отправился в путь — к своей конечной цели, в столицу.

<http://bllate.org/book/16132/1606459>